

УДК 327

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-6-74-82

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

ASPECTS OF THE NEW WORLD ORDER FORMATION: HISTORICAL AND POLITICAL DISCOURSE

*Л. Х. Газгиреева,
Институт
международного сервиса,
туризма и иностранных
языков, г. Пятигорск
amor-lora@mail.ru*

*L. Gazgireeva,
Institute of International
Service, Tourism and Foreign
Languages, Pyatigorsk*

*Л. А. Бурняшева,
Институт
международного сервиса,
туризма и иностранных
языков, г. Пятигорск
luda-3331@yandex.ru*

*L. Burnyashева,
Institute of International Ser-
vice, Tourism and
Foreign Languages,
Pyatigorsk*

Доказывается, что мир вступает в очередную эпоху турбулентности, связанную с изменением глобально-го расклада сил и трансформацией существующего миропорядка. С этих позиций осмысливается понятие «миропорядок» и его трансформация под воздействием сразу нескольких факторов — постепенного формирования нового баланса сил на международной арене, радикальных технологических изменений, в первую очередь в информационной сфере, а также возникновения глобальной экономики. Рассуждения авторов статьи строятся на основании идей, изложенных в фундаментальном труде Г. Киссинджера «Дипломатия» (1993). Данная работа американского государственного деятеля, дипломата и эксперта в области международных отношений дает ответы на многие дилеммы современности. В этом смысле книга Г. Киссинджера творчески провокативна. Она будит мысль, удивляет нетривиальностью авторского подхода, дает профессионалам, всем интересующимся мировой политикой мощный дополнительный импульс к размышлениям о сути, системных параметрах, направлениях и путях совершенствования современного мирового порядка. Подчеркивается мысль Г. Киссинджера: он выделяет две ключевые и взаимосвязанные проблемы формирования и поддержания устойчивости мирового порядка — обеспечение его легитимности и поддержание баланса сил. В результате авторами делается вывод о том, что мир меняется: европоцентристская (точнее — западоцентристская) политика постепенно становится достоянием истории. Все более активную роль на мировой арене начинают играть страны и регионы — Китай, Индия, Иран, исламские государства — в последние столетия часто выступают под общим собирательным названием «колониальные и зависимые»

Ключевые слова: мировой порядок; национальная идея; международные отношения; дипломатия; международная политика; глобализация; исторический аспект; политический аспект; Г. Киссинджер; политическая деятельность

In the article it is proved that the world enters the next era of turbulence connected with change of a global alignment of forces and transformation of the existing world order. From these positions the concept «world order» and its transformation under the influence of at once several factors — gradual formation of new balance of forces on the international scene, radical technological changes, first of all in the information sphere, and also emergence of global economy is comprehended. The reasonings of the authors are revealed on the basis of the ideas stated in fundamental work of G. Kissinger «Diplomacy» (1993). This work of the American statesman, diplomat and expert in the field of international relations gives answers to many dilemmas of the present. In this sense G. Kissinger's book is creatively provocative. It awakes a thought, surprises with not triviality of author's approach, gives to professionals, interested in world politics a powerful additional impulse to reflections about an essence, system parameters, the directions and ways of the modern world order improvement. In the article G. Kissinger's thought is fairly emphasized: he allocates two key and interconnected problems of the world order formation and maintenance of stability— ensuring its legitimacy and maintenance of balance of forces. As a result the authors

draw a conclusion that the world changes: Europe centered policy (more precisely – West centered) gradually becomes the property of history. On the world scene the countries and regions – China, India, Iran, the Islamic states begin to play more and more active role – in the last centuries often act under the general collective name «colonial and dependent»

Key words: world order; national idea; international relations; diplomacy; international policy; globalization; historical aspect; political aspect; G. Kissinger; political activity

Поднимаемая научная проблема отличается историко-политическим дискурсом. В 1989 г. Ф. Фукуяма принес в мир благую весть о «конце истории» [8. С. 135]. На наш взгляд, идея американского политолога Ф. Фукуямы о конце истории – это «один из первых прогнозов о последствиях глобализации в сфере мировой политики и международных отношений». С его подачи триумф западных идей, институтов, ценностей к исходу XX в. стал восприниматься как полный и окончательный: в мире не оставалось места жизнеспособным альтернативам либерализму, идеологическим, ценностным ориентациям стран Запада. История, пусть даже не в событийном, но в политико-философском смысле, казалось, подошла к концу. Однако развитие ситуации в мире с начала 2000-х гг. наглядно свидетельствует о том, что аксиоматическое утверждение Ф. Фукуямы оказалось несколько преждевременным. Все более очевидно, что мир вступает в очередную эпоху турбулентности, связанную с изменением глобального расклада сил и трансформацией существующего миропорядка. Можно долго дискутировать о том, существовал ли вообще на рубеже XX–XXI вв. «миропорядок» и был ли он «униполярным», учитывая то, что влияние США на мировые процессы было хоть и определяющим, но все-таки не абсолютным (наглядное свидетельство тому – развитие ситуации на Ближнем Востоке, в Восточной Азии и отчасти на постсоветском пространстве). Примем за основу допущение, что существовал, по меньшей мере, «униполярный момент» (выражение Чарльза Краутхаммера) в мировой политике, в рамках которого влияние США на международные процессы росло и казалось многим наблюдателям беспрецедентным (отсюда метафоры единственной сверхдер-

жавы, гипердержавы и т.д.). К 2010 г. на фоне необязательных военных кампаний на Ближнем Востоке и в контексте последствий мирового финансово-экономического кризиса возникло ощущение нового глобального тренда, связанного с постепенной «эрозией» американской мощи, снижением влияния США на международной арене на фоне подъема новых держав [2. С. 44].

Осмыслению этих процессов посвящены труды многих авторов, включая таких мэтров американской политической мысли и практики, признанных «тяжеловесов» в экспертной среде, как З. Бжезинский и Г. Киссинджер [10. С. 86]. Предлагаемая вниманию читателей (в русском переводе) книга [13. С. 311], с одной стороны, вписывается в обозначенную тенденцию, а с другой – выбивается из столь представительного ряда, прежде всего, за счет попытки осмысления понятия «миропорядок» и его трансформации под воздействием сразу нескольких факторов – постепенного формирования нового баланса сил на международной арене, радикальных технологических изменений, в первую очередь в информационной сфере, возникновения глобальной экономики.

Автор книги не нуждается в особом представлении. Пик его карьеры как политического деятеля пришелся на президентство Р. Никсона и Дж. Форда. Г. Киссинджер с 1969 по 1975 гг. являлся помощником президента по национальной безопасности, а также возглавлял Госдепартамент США с 1973 по 1977 гг. Он с полным на то основанием считается патриархом американской внешней политики, к заслугам которого относят «челночную дипломатию», осуществление успешной для стран Запада политики разрядки с СССР, «открытие» Китая для Америки. Ну а как

аналитика и мыслителя читатели способны оценить Г. Киссинджера, по меньшей мере, с момента выхода в свет его фундаментального труда «Дипломатия» (1993). Данный труд представляет весьма интересный аспект проблемы, что побуждает, условно, к размышлению.

Рецензируемая книга весьма многослойна и многогранна, поэтому бессмысленно даже пытаться излагать в рамках рецензии ее содержание детально. Остается сконцентрироваться на самом главном, на том, что привлекает внимание читателей.

Прежде всего, автор логично отмечает, что мир меняется. Европоцентристская (точнее — западоцентристская) политика постепенно становится достоянием истории. Все более активную роль на мировой арене начинают играть страны и регионы (Китай, Индия, Иран, исламские государства), в последние столетия часто выступавшие под общим собирательным названием «колониальных и зависимых». Причем все они имеют долгую историю, глубокую и своеобразную культуру, собственные представления о своей роли, достойном месте в мире, которое должно принадлежать им по праву. И, что особенно важно, свои идеи о том, как в принципе должен быть устроен мир, что есть стабильный и безопасный миропорядок.

Страны Запада, уверенные в универсальности и подлинности собственных идей и ценностей, склонны игнорировать это обстоятельство. Сила и убедительность книги Г. Киссинджера — как раз в том, что мэтр способен вскрыть не столь очевидные для иных его коллег вещи — например, то, что западные ценности и политические идеи не универсальны по своей природе, но могли быть универсализированы в силу преобладания стран Запада в системе международных отношений. Сформировавшийся в XX в. миропорядок во многом основан на вестфальских принципах (суверенитет, невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность государств), которые позволяли построить неиерархичную систему «баланса сил», изначально сформировавшуюся в Европе к середине XVII в.

на излете изнурительной 30-летней войны. Эти принципы не устраняли анархичной природы международной среды, а также стремления отдельных держав к тому, чтобы опрокинуть существующие балансы и переустроить европейский порядок в свою пользу (от Короля-Солнца Людовика XIV, через эпоху Наполеоновских войн до А. Гитлера). Но, в конечном счете, именно они (принципы) позволяли поддерживать плюрализм действующих политических сил и стремление европейских государств не допустить доминирования одной могущественной державы.

Г. Киссинджер резонно отмечает, что миропорядок, каким мы его знаем в Новое время, не был глобальным, в смысле интеграции региональных порядков в единое целое, но был европейским порядком, распространившимся на весь мир благодаря энергии, предприимчивости, военному превосходству Запада и построенной им колониальной системе. Государства-лидеры в самые разные эпохи инициировали формирование и взяли на себя ответственность сформулировать комплекс принципов, определенных норм поведения, ценностей на международной арене. В рамках четко проявившего себя к началу XXI в. «униполярного момента» страны Запада, как и сто, и двести лет назад, пытались по-прежнему играть роль авангарда, проецирующего (в том числе принудительно) свои ценности и институты (либеральную демократию, рынок, права человека) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые в то же время, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т. д.) [11. С. 118]. В этом смысле, с точки зрения подавляющего большинства западных наблюдателей, мировая политика по-прежнему являет собой картину центр-периферийных отношений, в которых роль создателя и распространителя новых ценностей и норм принадле-

жит странам Запада. И от их политической воли, консолидации усилий во многом зависит успех в утверждении новых институтов и «ценностей XXI в.».

Надо отдать должное Г. Киссинджеру — он осознает ущербность и даже риск подобного рода подходов во все более многообразном мире. Вестфальские принципиальные позиции (в том числе суверенитет, невмешательство во внутренние дела) приняты незападным миром не только (и не столько) потому, что их навязывал Запад, но в силу того, что они рассматривались как приемлемые для целей развития и утверждения «суверенного равенства» представителями незападных культур. «Национальная независимость, суверенная государственность, национальные интересы и невмешательство во внутренние дела других — все эти принципы оказались эффективными доводами в спорах с колонизаторами, причем как в ходе борьбы за освобождение, так и при защите новообразованных государств» [11. С. 17]. По нашему мнению, национальная идея стала мощной движущей силой социального развития в европейских государствах эпохи модернити, достигнув апогея в XIX в., получившем название «века национализма». Созданная на вестфальских принципах «межгосударственная» система охватывает ныне все культуры и регионы, в том числе и потому, что «ее институты предоставляют нейтральные рамки взаимодействия различных обществ — в значительной степени независимо от исповедуемых в конкретных обществах ценностей» [11. С. 18].

Любой мировой порядок, чтобы оказаться стабильным и жизнеспособным, должен восприниматься как справедливый — причем не только лидирующими и «мотивированными» державами. Г. Киссинджер выделяет две ключевые и взаимосвязанные проблемы формирования и поддержания устойчивости мирового порядка: обеспечение его легитимности и поддержание баланса сил. И с обоими компонентами есть проблемы.

К. Н. Соколов, например, рассуждая о новом мировом порядке, отмечает, что очевид-

но становление и осуществление «фарисейского» плана построения миропорядка на Земле для узкого круга избранных (идея «золотого миллиарда») за счёт уничтожения большинства человечества и обращения в рабство оставшихся.

Характеризуя ситуацию в современном мире, автор отмечает взрывоопасное сочетание тенденций нарастания хаоса и одновременно взаимозависимости. Миропорядок, «установленный и провозглашенный универсальными западными странами» в конце XX в., оказался ныне на переломном этапе. Четверть века политических и экономических кризисов, разразившихся в результате или под непосредственным влиянием рекомендаций и действий Запада, ставят под большое сомнение оптимистичные предположения о том, что распространение принципов демократии, новой версии прав человека и свободного рынка автоматически создаст справедливый, безопасный, процветающий и, главное, устраивающий всех мир [5. С. 140]. В некоторых частях земного шара возник противодействующий импульс: там стали считать, что кризисы порождаются политикой и правилами развитых стран Запада, наряду с различными аспектами глобализации [11. С. 473]. «Частые увещания, призывы внести “посильный вклад”, играть “по правилам двадцать первого столетия” и быть “ответственными участниками процесса” в рамках общей системы координат, — читаем в книге, — отчетливо показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе, общего для всех понимания “посильного вклада” или “справедливости”». За пределами западного мира те регионы, которые принимали минимальное участие в выработке нынешних правил, ставят под сомнение эффективность данных правил в их текущих формулировках и ясно демонстрируют готовность приложить все усилия, чтобы изменить упомянутые правила. Таким образом, «международное сообщество», к которому сегодня взывают..., не в состоянии согласовать — или хотя бы договориться — об однозначном и непро-

тиворечивом комплексе целей, методов и ограничений» [11. С. 10], которые и характеризуют устойчивый миропорядок.

Кроме того, на протяжении десятилетий после окончания Второй мировой войны и формирования послевоенного (Ялтинско-Потсдамского) миропорядка США обладали одним чрезвычайно важным достоинством. Американская элита умела интегрировать поверженных противников (и вообще бывших недругов) в создаваемые институты и вовлекать их в процессы создания международных режимов, в конечном счете работавших на долговременные интересы США. Достаточно вспомнить, что все основные международные институты послевоенного времени (от ООН до НАТО) создавались при самом активном и деятельном участии американской дипломатии и правящего класса. И Г. Киссинджер не случайно начинает свою книгу с афористичного ответа Г. Трумэна на вопрос о том, какими достижениями своего президентства тот больше всего гордится. «Тем, что мы целиком и полностью разгромили наших врагов, а затем вернули их обратно в сообщество наций. Мне приятно думать, что только Америке удалось подобное», — подчеркнул Трумэн [11. С. 9]. Парадокс периода времени, именуемого этапом неоспоримого американского лидерства и однополярного мира, состоит как раз в том, что элита единственной сверхдержавы постепенно утрачивала эту способность. США неоднократно за последние десятилетия демонстрировали умение бомбить своих противников или блокировать их развитие санкциями, но им сложно давалась фаза урегулирования конфликтов. И это породило даже обширную литературу конспирологического толка и убеждение многих аналитиков в том, что Вашингтон умышленно провоцирует ситуацию «управляемого хаоса» в различных регионах планеты. Проблема, однако, как раз в том, что хаос раз за разом и во все возрастающих масштабах оказывался все менее управляемым. В результате у системы, основанной на приемлемых для США «правилах и принципах XXI в.», стали все чаще возникать проблемы с обеспечением

ее легитимности. В условиях формирующегося полицентричного мира для обеспечения собственного лидерства США придется действовать гораздо тоньше, чем это имело место в последние десятилетия, и в соответствии с новыми евразийскими реалиями. Единоличное господство даже самого могущественного и влиятельного государства на планете невозможно, имея в виду появление и стремительное усиление новых региональных держав. Поэтому, полагает Г. Киссинджер, США следует сконцентрировать усилия на долгосрочной работе по обеспечению глобальной и евразийской стабильности, основанной на компромиссе между силами Запада и новыми субъектами Востока [1. С. 200]. Насколько можно судить, автор книги склонен принимать в расчет в формирующихся геополитических раскладах активную роль крупных региональных государств и видит путь к обеспечению глобальной стабильности и безопасности в выработке общих с Китаем, Индией, Россией и другими державами принципов обеспечения легитимности мирового порядка, в поиске консенсуса для перераспределения мирным путем ответственности в глобальном масштабе, пока США еще не утратили своего влияния.

Другой важной проблемой выступает ребалансировка мирового порядка без возникновения конфронтации и вооруженного противостояния ведущих государств. Дело в том, что на протяжении столетий наиболее распространенным способом зафиксировать на определенный период времени новый баланс сил в том или ином регионе (или в мире в целом) выступала война между конкурирующими державами. В условиях растущей взаимозависимости и широкого распространения оружия массового поражения (ОМУ) такой способ ребалансировки выглядит просто неприемлемым. Но реальное соотношение сил в мире, тем не менее, изменяется. Основным вызовом для США выступает КНР, уже опередившая американскую экономику по валовым показателям (правда, в пересчете по паритету покупательной способности). Осознание этой проблемы пришло еще на рубеже

XXI в. [13. С. 210]. Как отмечала в свое время М. Олбрайт, Китай «является сам по себе уникальным — слишком большим, чтобы его игнорировать, слишком репрессивным, чтобы с ним обниматься, трудным для того, чтобы оказывать на него влияние, и очень, очень гордым» [9. С. 546]. Как выстраивать отношения с Китаем — это главная, с точки зрения Г. Киссинджера, головная боль американской дипломатии на обозримую перспективу.

В историческом плане и США, и Китай демонстрировали универсальность притязаний, хотя каждая из стран делала это по-своему. США акцентировали мессианские идеи распространения свободы и демократии в глобальном масштабе, воспринимая себя как уникальную, исключительную нацию, призванную проложить путь к справедливому мироустройству, развитию и процветанию для всего человечества. По мнению О.Ф. Волочаевой и др., наиболее эффективный путь наращивания потенциала американской «мягкой мощи» — это публичная дипломатия (*public diplomacy*). Центральная роль в ее осуществлении принадлежит информационному ресурсу и контролю над информационными потоками [3. С. 35]. Китай делал упор на уважении, которое своим богатством, мощью и культурными достижениями внушала «Срединная империя» окружающим ее варварам. При этом на протяжении столетий Китай не демонстрировал намерений расширяться территориально или распространять собственные ценности, чтобы добиться доминирования в глобальном масштабе.

Потенциальные трения между существующими и возникающими центрами силы не новы. Возникающая сила неизбежно вторгается в некоторые сферы, прежде считавшиеся прерогативой лидирующей державы. К тому же эта возникающая сила склонна подозревать действующего лидера в стремлении затормозить ее развитие и попытаться помешать ей, пока не стало слишком поздно. Поэтому неудивительно, что стратеги с обеих сторон ссылаются на модели поведения и исторический опыт, пред-

сказывая неизбежность конфликта между двумя странами. По мнению Г. В. Косова и В. Н. Панина, неординарный сценарий развития международных отношений по мере углубления глобализации был предложен в работе американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В соответствии с ним на смену классическим конфликтам эпохи холодной войны приходят конфликты между культурами. В отличие от реалистов, А. Хантингтон не верит в возможности государств-наций в регулировании международных отношений [7. С. 7].

В Пекине интерпретируют многие американские действия в контексте стремления воспрепятствовать подъему Китая. Одержимость США проблематикой прав человека трактуется там как попытка подрыва сложившейся политической системы страны, а переориентация Вашингтона на тихоокеанское направление оценивается как попытка сдержать КНР, обрекая ее на вечно второстепенную роль.

С американской стороны есть опасения, что быстро растущий Китай будет систематически оспаривать превосходство сверхдержавы и тем самым подрывать ее безопасность. Хуже того, отмечает Г. Киссинджер, дебатам в США присущ выраженный идеологический оттенок — искренняя убежденность не только неоконсерваторов, но и либералов в том, что только демократические институты и разделяемые элитами общие ценности являются предпосылкой доверительных отношений. Считается, что недемократические сообщества по своей природе ненадежны, склонны к проявлению силы. И поэтому США обязаны оказывать максимальное воздействие и даже давление с тем, чтобы внедрить институты демократии и политического плюрализма, особенно в странах, способных угрожать безопасности США. В соответствии с такими концепциями смена режима представляет конечную цель американской внешней политики в делах с недемократическими государствами [6. С. 554]. В своем стремлении расширить сферу демократии (в случае необходимости путем

давления на соответствующие страны) США не только обеспечивают собственную безопасность, но и гарантируют всеобщий мир. По убеждению американской элиты, их страна не столько распространяет и имплементирует собственные приоритеты и ценности, сколько содействует новой фазе исторического прогресса в глобальном масштабе. Многие политологи либерального толка активно продвигают мысль о том, что у либерально-демократического Китая не будет никаких причин опасаться своих демократических партнеров. Поэтому «конечная цель американской стратегии, если отбросить дипломатические тонкости, состоит в ускорении революции, пусть даже и мирной, способной покончить с однопартийной авторитарной властью в Китае и на ее месте воздвигнуть либеральную демократию» [12. С. 184]. Такая позиция имеет очень много сторонников в современных США и не только по отношению к Китаю. Ее опасность состоит в том, что Соединенным Штатам, исходя из подобной концептуализации, следует проводить политику латентной враждебности по отношению к любому государству, расцениваемому американской элитой как недемократичное.

Опасность ситуации, по Г. Киссинджеру, в том, что в условиях широкого распространения в обеих странах представлений о собственной уникальной и универсальной роли достаточно, чтобы только одна сторона стала руководствоваться в своей политике подобными жесткими оценками. И это привело бы к постепенному втягиванию КНР и США в конфликтный цикл, чреватый резким усилением напряженности в двусторонних отношениях и в мире в целом. Китай в этом случае попытался бы отбросить американскую мощь как можно дальше от своих границ, ограничить действия американского флота и подорвать позиции Вашингтона в мировой дипломатии. США постарались бы объединить множество соседей Китая для создания противовеса его господствующему положению. Обе

стороны начали бы подчеркивать свои идеологические разногласия. Если такая модель поведения возникнет, то вырваться из спирали конфликтного цикла будет очень сложно. И собственно интеллектуальные усилия Г. Киссинджера направлены на то, чтобы этого ни в коем случае не допустить.

Основанные на сотрудничестве отношения между США и Китаем, полагает автор, просто необходимы для глобальной стабильности и мира и потому не могут и не должны строиться на логике «игры с нулевой суммой». Америко-китайские отношения не могут быть квалифицированы как партнерство, но они должны представлять собой совместную эволюцию. Страны, преследуя свои внутренние императивы, сотрудничая там, где это возможно, смогут программировать свои отношения таким образом, чтобы свести к минимуму конфликт.

Новый мировой порядок, скорее всего, будет возможен как следствие взаимодействия внутренне стабильных региональных порядков. При этом в разделе, озаглавленном «Куда мы идем?», автор высказывает предположение, что «борьба между регионами может оказаться еще более изнурительной, чем бывшие столкновения между нациями» [12. С. 481]. И задача всех ответственных сил на планете — не допустить развития именно такого сценария возможного будущего.

Выводы. Подводя итоги этого обзора, необходимо отметить, что вышедшая из-под пера одного из грандов современной мировой политики и политической мысли новая работа дает ответы на многие дилеммы современности. Но еще более ценна она, пожалуй, умением поставить вопросы, на которые ни у кого (включая автора) пока нет более или менее определенных ответов. Однако ответы найти необходимо, чтобы обеспечить не просто процветание и развитие, но само выживание человечества, продолжение нашей общей истории.

Список литературы

1. Бжезинский З. Стратегический взгляд. М.: Астрель, 2013. 288 с.
2. Бокачев И. А., Газгиреева Л. Х., Буряшева Л. А. Традиционное и новационное в контексте социально-философского дискурса. Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. 170 с.
3. Волочаева О. Ф., Косов Г. В., Рахно Н. В., Соловьева Е. А. Политические процессы в контексте геoinформационной парадигмы: механизмы, векторы развития. Ставрополь, 2012. 184 с.
4. Касаева Т. В. Управление региональной экономикой, ориентированное на человека. Тамбов, 2013. 256 с.
5. Касаева Т. В., Батралиева А. Ш. Стратегия развития национальной экономики России в условиях мировых геоэкономических процессов // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ «Университетские чтения». 2015. С. 138–142.
6. Киссинджер Г. О Китае. М.: Астрель, 2012. 635 с.
7. Косов Г. В., Панин В. Н. Индикаторы геополитической составляющей политического процесса // Вестник института стратегических исследований ПГЛУ. Ставрополь, 2012. С. 4–10.
8. Фукуяма Ф. Конец истории? Вопросы философии. 1990. № 3. С. 213–216.
9. Albright M. *Madam Secretary: A Memoir*. N.-Y.: Random House, 2003. 624 p.
10. Brzezinski Z. *Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power*. N.-Y., Basic Books, 2012. 240 p.
11. Buzan B. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 486 p.
12. Friedberg A. *A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia*. N.-Y., W.W. Norton & Company, 2011. 516 p.
13. Kissinger H. *World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. New-York: Penguin Press, 2014. 394 p.

References

1. Brzezinsky Z. *Strategicheskiy vzglyad* [Strategic view]. Moscow: Astrel, 2013. 288 p.
2. Bokachev I. A., Gazgyreeva L. Kh., Burnasyheva L. A. *Traditsionnoe i novatsionnoe v kontekste sotsialno-filosofskogo diskursa* [Traditional and innovative in the context of socio-philosophical discourse]. Stavropol: SevKavGTU, 2010. 170 p.
3. Volochaeva O. F., Kosov G. V., Rakhno N. V., Solovyova E. A. *Politicheskie protsessy v kontekste geoinformatsionnoy paradigmy: mehanizmy, vektory razvitiya* [Political processes in the context of the geo-information paradigm: mechanisms, vectors of development]. Stavropol, 2012. 184 p.
4. Kasaeva T. V. *Upravlenie regionalnoy ekonomikoy, orientirovannoe na cheloveka* [Management of regional economy, human-centered]. Tambov, 2013. 256 p.
5. Kasaeva T. V., Batralieva A. Sh. *Strategiya razvitiya natsionalnoy ekonomiki Rossii v usloviyah mirovykh geoekonomicheskikh protsessov* (Strategy of the national economy development in Russia in conditions of world geo-economic processes): Materials of scientific-methodical readings of the PGLU «University readings». 2015. P. 138–142.
6. Kissinger G. *O Kitae* [About China]. Moscow: Astrel, 2012. 635 p.
7. Kosov G. V., Panin V. N. *Vestnik instituta strategicheskikh issledovaniy PGLU* (Bulletin of the Institute for Strategic Studies of the PGLU). Stavropol, 2012, pp. 4–10.
8. Fukuyama F. *Voprosy filosofii* (Questions of philosophy), 1990, no. 3, pp. 213–216.
9. Albright M. *Madam Secretary: A Memoir* [Madam Secretary: A Memoir]. N.-Y.: Random House, 2003. 624 p.
10. Brzezinski Z. *Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power* [Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power]. N.-Y., Basic Books, 2012. 240 p.
11. Buzan B. *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization* [From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization]. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 486 p.
12. Friedberg A. *A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia* [A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia]. N.-Y., W.W. Norton & Company, 2011. 516 p.
13. Kissinger H. *World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History* [World Order. Reflections on the Character of Nations and the Course of History]. New-York: Penguin Press, 2014. 394 p.

Коротко об авторах

Газгиреева Лариса Хасанбиевна, д-р филос. наук, доцент, профессор, Институт международного сервиса, туризма и иностранных языков, г. Пятигорск, Россия. Область научных интересов: проблема гармонизации национальных интересов в международном сообществе в меняющемся мире
amor-loga@mail.ru

Бурняшева Людмила Александровна, д-р филос. наук, доцент, профессор, Институт международного сервиса, туризма и иностранных языков, г. Пятигорск, Россия. Область научных интересов: проблема гармонизации национальных интересов в международном сообществе в меняющемся мире
luda-3331@yandex.ru

Briefly about the authors

Larisa Gazgireeva, doctor of philosophical sciences, associate professor, professor, Institute of International Service, Tourism and Foreign Languages FSBEI PSU, Pyatigorsk, Russia. Sphere of scientific interests: problem of national interests' harmonization in the international community in a changing world

Lyudmila Burnyasheva, doctor of philosophical sciences, associate professor, professor, Institute of International Service, Tourism and Foreign Languages FSBEI PSU, Pyatigorsk, Russia. Sphere of scientific interests: problem of national interests' harmonization in the international community in a changing world

Образец цитирования

Газгиреева Л. Х., Бурняшева Л. А. Аспекты формирования нового мирового порядка: историко-политический дискурс // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 6. С. 74–82. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-6-74-82.

Gazgireeva L., Burnasyheva L. Aspects of the new world order formation: historical and political discourse // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 6, pp. 74–82. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-6-74-82.

Дата поступления статьи: 26.04.2017 г.
Дата опубликования статьи: 30.06.2017 г.

